

Шедяков В. Е.

*доктор социологических наук, кандидат экономических наук,
независимый исследователь
г. Киев, Украина*

ПОСТГЛОБАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ: ДИАПАЗОН РЕШЕНИЙ

Аннотация

Умение использовать возникающие условия для защиты и развития национальных интересов – важнейший фактор политико-экономической мобилизации, гармонии разноуровневых интересов при балансе оперативки, тактики, стратегии и большой стратегии перемен. Осуществляется и создание нового геостратегического порядка, и формирование новых моделей развития. На практике и в теории, в мировосприятии и мироосвоении усиливаются поиски альтернативных подходов. Период сдвига к новой парадигме общественного развития расширяет «коридор свободы». Его эффективное использование – функция как от осознанности открывшихся возможностей и угроз, так и от состояния объект-субъектных отношений. Соответственно, нарастание потенциала роковых патологизаций требует концентрации на кардинальных исторических вызовах, неся в себе зародыши новой интеграции науки и действительности, объединения теоретической новизны и практической направленности. Причём распад прежней структуры политико-экономической целостности и продиктованной ею системы глобального разделения деятельности акцентировал роль отдельных культурно-цивилизационных миров. Ойкумена меняется крайне быстро. Наполнение переходного периода повышенной когнитивной контрадикторностью и контраверсийностью действий сталкивает представителей противоречивых подходов как в лобовую, так и во множестве прокси-столкновений.

Вступление

Международные экономические отношения становятся всеобъемлющими при распространении на все стороны воспроизводства, в частности не только распределение и обмен, но и производство. Сохраняя достигнутый уровень обобществления международной жизни, ойкумена упёрлась в препятствие своим безопасности и развитию, связанное с сохранением устаревшей организации миропорядка, обслуживаемой идеями то вульгарного мультикультурализма, то примитивного национального эгоизма. Между тем позитивный смысл и запал либерализма давно уже перешёл к

совершенно иным подходам, концепциям и структурам. Всемирный удар пандемии продемонстрировал: лишь возродившиеся и новые лидеры первыми пришли на помощь остальным, неся бремя ответственности за всех. Напротив, попытки эгоистического выбора подталкивали к решениям от велеречивых выступлений без эффективных практических мер до действий по пиратскому перетаскиванию в свои страны направленных для спасения нуждающихся в поддержке медицинских ресурсов и средств. Вместе с тем уровень готовности доминирующих систем и органов здравоохранения оказался совершенно недостаточным для понимания и купирования (а тем более излечения), роль международных организаций зачастую сводилась чуть ли не к сбору статистики событий и процессов. Находившиеся ранее в статусе признанных фаворитов (а то и гегемонов) глобального порядка не сумели проявить политические, моральные, организационные качества подлинных лидеров ойкумены, отнюдь не спасая народы, а перекупая медицинские средства, врачей и т. д. Причём вставший вызов сфокусировал аспекты отнюдь не исключительно медицинские или психологические, но и экономические, технологические, военные, информационные и др. Т. о., общий кризис включил в себя в качестве ярких составляющих частей провалы подсистем здравоохранения, торгово-экономической, информационно-кибернетической, усилив соответствующие линии противостояний. В частности, эпидемия стала лишь дополнительным толчком к разрыву устоявшихся транснациональных технологических цепочек в мире и замыканию в границах культурно-цивилизационных миров, стимулируя импортозамещение и миграционные ограничения и отражая непреложную необходимость кардинальных трансформаций. Причём тенденции к регионализации, к борьбе за глобальное лидерство и к повышению степени подконтрольности личности на основе цифровизации-чипизации взаимодействуют и накладываются друг на друга. Противостоянием последствиям пандемии порой прикрывают решение вопросов по овладению/сохранению сферой и инструментами международного и внутреннего контроля. В числе важнейших субъективных трансформаций – понимание, что смена мирового тренда – это и требование более полного просоциального воплощения творческой активности масс и народов, и необходимость смены элит: продемонстрировавшие свою неспособность действовать должны уйти.

Международный анализ общественных отношений сложился под воздействием школ Э. Бабина, У. Бека, Г. Бехманна, А. Богатурова, А. Бутенко, И. Валлерстайна, В. Виммера, Р. Газенко, Э. Гидденса, А. Громько, А. Дынкина, И. Коротченко, Э. Ожиганова, Д. Стросс-Кана, Е. Примакова, М. Смита, Р. Хасбулатова, С. Хелемендика, П. Швейцера, И. Шишкина, а также Ж. Агалаковой, А. Бовина, Г. Боровика, Ф. Бурлацкого, П. Владимирова, Ю. Выборнова,

В. Зорина, Р. Кармена, А. Овсянникова, В. Овчинникова, М. Ромма, Ф. Сейфуль-Мулюкова, И. Фесуненко, П. Фёдорова. Преодолением неизбежных перемен и извлечением их составляющих из-под спуда сумятицы фактов уходящей эпохи наполнен анализ Ж. Алфёрова, Л. Альтюссера, А. Ахиезера, А. Ачлея, И. Барыгина, М. Бри, А. Бузгалина, П. Бьюкенена, С. Бэннона, В. Вазюлина, В. Васильковой, В. Виммера, Р. Газенко, А. Галушки, С. Глазьева, В. Глушкова, А. Горца, Б. Гросса, Т. Грэма, Дж. Гэлбрейта, Э. Гэмбла, М. Делягина, В. Дрожжинова, В. Ефимова, В. Зарина, Л. Ивашова, В. Иноземцева, С. Караганова, М. Карлея, В. Катасонова, М. Келдыша, Дж. Кеннана, Г. Киссинджера, М. Ковальчука, А. Колганова, В. Корнилова, М. Корнфорта, Н. Косолапова, А. Кули, Т. Купманса, М. Кураева, С. Кургиняна, Е. Лариной, Дж. Лафлэнда, П. Лебедева, Э. Либановой, В. Малахова, Г. Малинецкого, Г. Моргентау, А. Надея, Н. Нарочницкой, Д. Нексона, В. Овчинского, А. Окасио-Кортес, Т. Орловой, И. Острцова, И. Панарина, М. Панькина, С. Переслегина, Д. Перкинса, К. Петрова, Т. Пфеннинга, В. Пякина, Л. Савина, Т. Сакайи, Б. Сандерса, К. Сивкова, Б. Славина, Э. Сноудена, Е. Спицына, А. Соколовой, Н. Старикова, Ю. Тихомирова, А. Торкунова, Н. Трубникова, П. Фёдорова, П. Флоренского, А. Фурсова, М. Хазина, А. Харина, О. Четвериковой, Э. Шульца, И. Яковлева и др. Широкую известность приобрели исследования происходящего А. Абызовым, Ж. Аттали, Ю. Болдыревым, Е. Бондаренко, А. Вассерманом, А. Гаспаряном, Е. Головахой, Р. Ищенко, М. Капуто, Е. Копатько, Е. Лукаш, А. Мартыновым, О. Матвейчевым, О. Медведевой и А. Медведевым, С. Михеевым, П. Морейрой, В. Паниотто, Р. Прехтом, Ж. Сапиным, О. Стоуном, Н. Талебом, А. Шарием и др.

Основной целью исследования при подытоживании материала выступает содержательная характеристика диалектики объективных и субъективных факторов формирующейся эпохи, её возможностей и угроз. Для этого интегрированы исторический и логический методы исследования и изложения, анализ, синтез и сравнение.

Раздел 1. Постглобальность как системная характеристика общественного ландшафта международных отношений

Значительная часть открывающихся перспектив и возникающих угроз связана с объективными особенностями формирующейся эпохи и времени её предуготовления. Шквал протестных движений на Западе (особенно Black Lives Matter в США) ещё раз обратил внимание на то, что крайне неэффективная модель государственного порядка и общественного устройства существует за счёт многовекового обирания остальных народов (часто с геноцидом коренного населения, уничтожением носителей более гуманных альтернатив). Перехват

выражения протестных настроений агрессивно-деструктивным меньшинством демонстрирует беспомощность социально-политических структур. Системный мировой экономический кризис начала XXI столетия – проявление общего кризиса доминантной формы индустриализма, однако её преодоление требует учёта постиндустриальных перспектив экономики знания, а также диапазона её возможностей. Т. о., ныне кризисность характеризует само состояние общественной (в т. ч. политико-экономической и финансово-спекулятивной) системы ойкумены. В частности, недостаточно рационально расходуются и человеческий потенциал, и природные ископаемые, и технико-технологические возможности. Усиливает давление на общую ситуацию незанятый (или занятый неэффективно) трудовой потенциал. Одновременно накапливаются и риски от промедления в проведении назревших реформ в организации и регулировании экономической жизни ойкумены. Возникновение новых систем происходит через сонмы конфликтов (включая и прокси-противостояния). Неадекватность господствовавших моделей новым историческим вызовам настоятельно взыскует инновационности решений в вопросах государственного строительства, лишая возможности эффективного заимствования по кардинальным направлениям. Соответственно, каждый культурно-цивилизационный мир нарабатывает свои модели: и трансформирования, и нового состояния – по опыту, условиям, пониманию задач. Период форсированных изменений касается и внутренних, и международных отношений. Происходящие трансформации влияют как на процессуально-динамические характеристики, так и на содержание состояния в конкретный момент [1–7]. Перемены проявляются по-разному в регионах, вариативно сказываются на социальных слоях и политико-экономических группировках, в общественной и частной жизни. Под спудом прежних тенденций и старых фактов динамично происходит структурирование уже вызревшей новой парадигмы: возникают не просто предпосылки грядущего, но уровень реализации возможностей и угроз в новой общественно-технологической парадигме. Многополюсный и разноскоростной мир, самоценность совершенно отличных друг от друга культурно-цивилизационных миров, нетерпимость к внешнему диктату и отторжение империалистического культуртрегерства, заведомое невмешательство и добровольность кооперации – всё это (и многое другое) – приметы кардинальных трансформаций, связанных с усилением тенденций формирования постглобального устройства мира, умение жить и развиваться в котором становится приоритетным фактором стратегической конкуренции. И подлинная суверенность: политическая, экономическая, идеологическая, духовная – неотделима от поиска альтернатив, создания собственной модели будущего; без реального народовластия нет продуктивной

защиты ни национальных интересов, ни прав и свобод человека, ни максимизации творческой активности.

Протестные движения (в частности, Black Lives Matter в США) напомнили: богатство бывших метрополий по «чистоте» своего происхождения крайне уязвимо; его легитимность серьёзно подрывается веками ограбления колоний и зависимых государств. Не меньшее возмущение вызывают попытки воспроизводства аналогий некоторых черт в «современной работоторговле» биоматериалами и экономическими ресурсами, а также наслоения духовного отчуждения (не говоря уж об отчуждении самой человеческой жизни). Как показывает анализ исторического опыта и его сравнение с формированием черт постсовременности, обещанная либеральным капитализмом эмансипация личности оборачивается высвобождением животных инстинктов с утратой наиболее ценного – созидательного порыва модерна (связанного с протестантской этикой, верностью долгу, напряжённым трудом и т. п.).

Прежняя устойчивая динамическая система с конкуренцией и партнёрством противостоящих лагерей отошла в прошлое. Некоторое время международная жизнь занималась эквилибристикой, пытаясь воплотить модель единоличного господства Запада при жёстком отделении экономики услуг в странах-лидерах от аграрно-индустриальных зон с устаревшими технологиями в истощаемом окружении. Это неустойчивое состояние международных отношений использовалось его фаворитами для корыстного присвоения преимуществ от своего положения. Попытки гегемонии как навязывание удобных для себя порядков: ресурсами военными, дипломатическими, культурными, мировоззренческими – перестали давать результат; Запад утратил динамизм и привлекательность, упустил стратегическую инициативу. Ныне объективно осуществляется движение от оси «центр(ы) – полупериферия – периферия» к «стабильной нестабильности» ситуативных альянсов. Логика истории ведёт от попыток культуртрегерского неокOLONIALИЗМА с насаждением метрополиями удобных для себя моделей к полилогу культур. Переход к логике свободы является вместе с тем отказом от единственности любого базиса развития. И речь идёт уже не только о политических условиях реализации свободы, но и о значительно более радикальных её перспективах, связанных с доминантой терпимости и многоукладности. Когда нет стабильной внешней опоры в виде общей идеологии, единственной культуры, стереотипной науки, тогда необходимо признавать право на существование непохожего, особенного и необычного. Причём если предшествующие периоды развития человечества, как правило, могли быть охарактеризованы по доминирующей цивилизации (или несколькими состоящимся), то ныне осуществляется конкуренция принципиально разнородных моделей

организации жизнедеятельности. В частности, при многополюсности мира представления об «эталоне демократии» сменяются признанием наличия бесконечно широкого разнообразия подходов, моделей и вариантов их воплощения. Встречаясь с вызовами исторического масштаба, каждый культурно-цивилизационный мир находит свой вариант ответа на них. Вместе с этим усиливаются возможности осторожного заимствования части моделей трансформации, нарабатываемых другими народами, что деактуализирует подход, однозначно относивший международные отношения ко «вторичным», «производным». Полиструктура международных связей, основанная на выработанных и взаимоприемлемых нормативах отношений, а вовсе не блок из идентичных атомов-элементов, определяет вид новой действительности. В этом контексте и само понятие развития нуждается в обновлении: кроме стабильного и сбалансированного экономического роста, оно непременно должно включать на такие этические ценности, как сопереживание, сочувствие, солидарность, свобода выбора, терпимость. При этом ни одна система ценностей уже не может рассматриваться как единственно возможная/эффективная ни для человечества как целого, ни для культурно-цивилизационных миров.

Вместе с тем достигнутый реальный уровень обобществления в сочетании со смещением ядра богатства народов к творческой реализации совокупности одарённостей не только требует защиты того же разнообразия, но и вступает в антагонизм с попытками концентрации собственности, власти и управления. Тем более попытки присвоения общенародного достояния под лозунгами приватизации как не ведут к автоматическому росту эффективности (зачастую иницируя то хищническую эксплуатацию, то праздное разбазаривание), так и подрывают и экономическую, и нравственно-политическую основу общества, сталкивая его в резервацию атактичных укладов. Укрепление же объективных оснований тенденции к повышению уровня социального равенства, фиксируемого социально ориентированным государством и гуманизацией общественной среды, коррелирует с аналогичными трансформациями в международной жизни. Яркой особенностью постглобальных социально-экономических пространств в этот период становится сложнопрогнозируемый характер соотношений вероятностей вектора и динамики развития. Общественная действительность позволяет переключаться от причинно-следственной логики «дерева» к моделям «куста», а затем и «ризомы», где каждая почка несёт потенциал превращения в точку роста. Вместе с тем под влиянием особенностей как среды, так и собственных (связанных, в частности, с предшествующим опытом, объективными и субъективными целями и т. д.) формируются некоторые предпочтения развития, отличия комбинаций возможностей и рисков, специфика этапов и разновидностей движения.

Раздел 2. Постглобализм как форма освоения нового качества международной среды

Усиление положительных и ослабление отрицательных воздействий может быть осуществлено при переходе на новый, адекватный реалиям исторических вызовов и условий уровень понимания и использования процессов [8–10]. Смена эпохи предполагает и новую модель в трактовке прошлого, настоящего и будущего. Участие в переструктурировании, упорядочении хаоса дарует премию непосредственным субъектам и использующим тенденции. В этот момент часто ожесточённо конкурируют факторы объективные и субъективные, закономерные и случайные, уникально невозвратимые и циклично повторяемые. В рамках переходного периода определяется соотношение сил в структурировании общественных противоречий и всей жизни культурно-цивилизационного мира; то, кем, в чьих интересах, насколько глубоко, последовательно и успешно будут осуществляться перемены – и динамика последующих трансформаций [11–17]. В частности, подчинение внешним интересам вопреки собственным в состоянии серьёзно исказить работу социальных коммуникаций. Т. о., переходный период включает противоборство (вплоть до антагонизма) претендентов на статус лидеров и выразителей новой эпохи, «создателей» нового Сверхпроекта развития общества. Интенсивно распространяются зоны гибридных взаимодействий, размывая однозначность организационных правил и усиливая тенденции децентрализации хозяйственного управления, фрагментации огромных структур, повышения гибкости распределения деятельности и стратегического партнёрства, а значит, обостряя противоречия.

Кардинальное усложнение технико-технологической, социально-экономической и духовно-нравственной культуры не позволяет недооценивать функции общественного планирования и управления [18–20]. Повышение ценности индивидуальной одарённости требует поддержки систем не только личностной подготовки (в частности, здравоохранения, образования, науки), но и творческой активности и разумной личной инициативы. Очевидно, что поддержание баланса между процессами общественной самоорганизации и государственного регулирования упрощается сознательным выстраиванием образа своего будущего и его проведением в оперативном, тактическом, стратегическом и большой стратегии потоках сквозь реализуемые решения. Сущность процессов, наполняющих переходный период, связана с противоборством различных вариантов дальнейших изменений, а не только с отмиранием прошлых стратегий и рождением грядущих. Это обрекает неподготовленных на фрустрации на уровнях как индивидуальной, так и общественной психологии и идеологии, вызывая особенно яростное сопротивление со стороны фаворитов прежнего международного порядка. Западная модель и

общественного устройства, и миропорядка исчерпала себя; обманные лозунги вхождения стран «бывшего лагеря реального социализма» в «золотой миллиард» тем более толкают на следование заведомо беспочвенным и нереалистичным курсом.

Наиболее выпукло постглобализм проявляется как качество, во-первых, понимания/восприятия/представлений и, во-вторых, освоения складывающейся действительности в рамках материальных и духовных практик. «Информационный взрыв» повысил значение деятельности по оценке, отбору и переработке знаний, что естественным образом повышает общественную ценность одарённости и компетентности, фиксируясь в явлениях меритократии и экспертократии. Вместе с тем противостояние информационному неоимпериализму – лишь частное направление в обработке информации для её перерастания в знание, затем формирования на его основе понимания и практического употребления в стратегии продуманных действий. Сокращение срока для принятия и осуществления решений, на протяжении которого действия являются продуктивными, увеличивает как роль допущенных к функциям власти и управления, так и статус народного контроля над их деятельностью (в частности, для препятствия узкокорыстному эгоизму, бюрократической коросте и административной коррупции). Необходимость повышения ответственности государств перед народами и ойкуменой должна дополняться как ростом персональной ответственности государственных топ-менеджеров, так и переходом к новому уровню нравственного ригоризма [21–25]. При этом, с одной стороны, история полна зигзагов общественной жизнедеятельности культурно-цивилизационных миров, демонстрирующих неравномерность их развития и опору на разные комбинации факторов политико-экономического успеха. С другой стороны, известны и случаи, когда культурно-цивилизационные миры отказывались от развития и ограничивали внешнее взаимодействие в попытках сохранить достигнутое. Вместе с тем, например, реализация обратных связей позволяет вести сознательный курс как на стабилизацию тенденций развития социально-экономической целостности, так и её функционирования «вразнос», выдвигая задачи локализации, затухания или же усиления и акцентирования определённых свойств и процессов.

Разумеется, модель создания богатства через денежную эмиссию не работает. Либо деиндустриализация отдельных стран, вписывающаяся в контекст подчинения глобализации и разложения, либо возрождение национальных производственных циклов и ставка на передовые технологии с расцветом собственных идентичностей культурно-цивилизационных миров. Тем самым создаются предпосылки обострения антагонизма между, с одной стороны, финансово-спекулятивными группировками, паразитирующими на пропагандистской машине и пиар-технологиях и, с другой стороны,

хозяйственно-промышленными кругами. Вместе с тем антиисторичными выглядят потуги не только восстановления в правах либеральных догм, но и потребительства как основы лихорадочного подстёгивания экстенсивного типа экономизма, когда ресурсы планеты сжигаются в бессмысленных топках консьюмеризма. Напротив, решительная поддержка творчества и духовной жизни требует радикализации гуманизма и равноправия.

В первую очередь, решительное очеловечивание общественных отношений несёт потенциал, во-первых, расширения поля просоциальных развития и реализации в творчестве одарённостей народа, во-вторых, органичного единства исследовательской рефлексии и рефлексивного управления, в-третьих, целостности материально-духовной практики при развитии культурно-цивилизационного мира. Тем самым в теории и на практике создаётся заслон перед доминированием одного из направлений, связанных с патологизацией как общественной реальности, так и её восприятия. То и другое по-своему влияют на выстраивание конкуренции / состязания и партнёрства / кооперации, государственного регулирования и личной инициативы. Бесструктурное управление наиболее эффективно при комплексности, когда инвалидные или отсутствующие социальные коммуникации замещаются прочими (или комбинациями прочих), в частности формируя превращённые и иррациональные общественные отношения, мнимые структуры и ложные социальные величины. Для формирования комплексной целостности фундамент системообразующих отношений труда, собственности и управления скрепляется плоскостями как минимум мировоззренческого, исторического, идеологического, финансово-экономического, военного восприятия и развития.

Кризисы последних лет демонстрируют: во-первых, именно государства (а не, например, транснациональные компании или неприбыльные организации) пытаются отражать вызовы, возникающие перед человечеством; во-вторых, ставшая за последние четверть века общественная система на уровне как социально-политического строя, так и международного порядка стала критично слабой в решении жизненно важных проблем (в частности, низкую смертность продемонстрировали Вьетнам и Куба, а вовсе не страны Запада во главе с США, готовность в первых рядах прийти на помощь другим проявили опять-таки Китай, Россия, Куба и Вьетнам; даже среди европейских стран первыми преодолели эпидемию бывшие ранее частями социалистического лагеря и сохранившие осколки систем прививки, охраны здоровья как целого и т. д.); в-третьих, важнейшие социальные гарантии (восьмичасовой рабочий день, декретный оплачиваемый отпуск, больничный лист, бесплатные и качественные жилище, здравоохранение, образование, досуговые организационные формы и т. д.), данные ойкумене лагерем реального социализма, с деструкцией

его подвергаются активным попыткам демонтажа, а интересы широких народных масс подменяются узкоэгоистичной заинтересованностью наднационального олигархата. Неработающие в новых условиях общественные системы Запада требуют международного контроля для препятствия не только тоталитаризму, но и возможности расползания оружия массового поражения. Между тем курс на приращение общественного богатства прямо требует и максимизации доступа к возможностям развития и реализации в просоциальном творчестве комплекса одарённости каждого, и усиления роли государства и управления во время трансформаций парадигмального качества [26–29].

Успешное формирование образа будущего, включающее прочные социальные стандарты, серьёзные социальные гарантии, возрождение базовых ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационных миров, повышение ответственности и государства и государственных топ-менеджеров, расширение государственного сектора и государственного регулирования, создаёт элементы концепции социума, государства и экономики общего блага, увеличивая социально-экономический инструментарий справедливости. Сверхпроект – форма не только структурирования безопасности и развития экономики и общества, но и интеграции (в частности, гармонии интересов), порождающей чувство сопричастности с историческими свершениями народа. И если миссия и ответственность элиты – в отражении национальных интересов и воли народа, то в зоне ответственности самого народа – несение своих представлений о справедливом, нравственном, нормативном, путём чего и становится творчество как восхождение к лучшему (Истине, Добру и Красоте). Соответственно, страны, которые демонстрировали высокие достижения во всех областях социального общежития, как правило, основывались на широком объединении усилий различных слоёв населения на задачах гражданского согласия и достижения соборности общественного устройства. Гуманность, человечность закономерно приоритетнее догматов любых доктрин: основной регулятор – закон «не мешай». Разрешается основная проблема постглобальности: если аутсайдерство – норма с необъятным диапазоном собственных моделей социогенеза, а вовсе не отставание на общей (единой для всех) дороге, то люди и страны имеют право на собственный выбор – пока не покушаются на выбор других. А ведь соотношение собственно человеческого, святого и звериного начал в отдельном индивиде и в общественном бытии всякого культурно-цивилизационного мира различно. И вектор подвижности этого баланса формирует разные приоритеты.

Тем нелепее и неадекватнее эпохе попытки навязывание своих шаблонов (особенно с отчётливыми рудиментами рабовладения в общественной системе и государственном устройстве США и атавизмами феодализма в Англии). Напротив, применение принципа

превращённых (преобразованных) форм и предполагает при отказе от практики «двойных стандартов» создание и введение в межсистемное пространство эталона, вынуждающего к действиям в рамках природоподобия общественных автоматов, регуляторов. В этой связи и содержание понятия «развития» нуждается в обновлении: помимо стабильного и сбалансированного роста оно должно ориентировать, создавая и кластеры будущего, и благоприятную для желаемых перемен среду) на такие ценности, как справедливость, свобода выбора, терпимость и базируясь на активной социальной политике при высоком уровне социальных стандартов и развитой системе социальных гарантий. Для закрепления на пристойных позициях в формирующемся мироустройстве остро необходимы: создание и проектное стимулирование новых платформ развития, тесно коррелирующих с выращиванием адекватных времени вариантов проявления базовых ценностно-смысловых комплексов своего культурно-цивилизационного мира; кардинальное укрепление организационно-управленческих форм глубокой науки и прорывных технологий в эффективных моделях научно-образовательно-производственных кластеров; обновление систем укрепления общественного иммунитета к мутациям и воздействиям, предупреждения распространения вредоносных вирусов (в т. ч. информационных); запрет на работы с разнообразным ОМП (в частности, бактериологическим); повышение уровня территориального рассредоточения как производств, так органов власти и управления. Практика напомнила: географическая диверсификация экономической, социальной, политической жизни – условие успешного преодоления очаговых вспышек эпидемии, в конечном итоге – и устойчивости государства и общественного порядка.

Выводы

Таким образом, если постглобальность характеризует объективное состояние ойкумены (в частности, международной жизни), то постглобализм – субъективное отражение его, качество осознания и использования. Концентрированное фокусирование новой структуры международных связей общественной психологией и идеологией тесно коррелирует с существом происходящих процессов и формирующихся тенденций, проявляющихся прежде всего в трансформациях системообразующих отношений труда, собственности и управления.

Новая эпоха резко повышает вероятность новых волн массовых угроз. Причём детерминанты патогенности вариативны и комбинируемы, что открывает дополнительные перспективы направленной селекции определённых признаков. Процессы мировых трансформаций ещё раз демонстрируют: у каждого из субъектов истории своя комбинация преимуществ и недостатков. Их осознание и учёт – важнейший элемент создания эффективного Сверхпроекта развития культурно-

цивилизационного мира и уяснения путей гармонии стратегии, тактики и оператики осуществления модернизации. Вместе с тем как программирование будущих социально-экономических процессов, так и управление нынешними тенденциями общественной жизни коррелируют с особенностями постсовременности как среды моделей и практик формирования чернового наброска будущего, создания его замысла и выявления намерения, наиболее обострённо проявляясь именно в период форсированных трансформаций. Очевидно: ойкумена меняется крайне быстро, «стрела истории» летит всё быстрее. Осуществляется и создание нового геостратегического порядка, и формирование новых моделей развития, действия в рамках природоподобия общественных автоматов, регуляторов. Период форсированных преобразований концентрирует возможности и угрозы, во многом предопределяя уровень дальнейшей орбиты общества на многие годы. Организационно-управленческая вариативность отражает разнообразие условий (территориально-географических и ресурсных, этапа цикла, социокультурных и политико-экономических особенностей, выдвигаемых целей и приоритетов и т. д.) использования системного глобального кризиса.

Принятие на себя ответственности за ойкумену характеризует поведение подлинных лидеров, попытки обогнать других демонстрируют внутреннюю ограниченность восприятия и узкокорыстное понимание пользы. При этом национальный эгоизм и изоляционизм так же не обеспечивают защиту национальных интересов, как и вульгарные трактовки мультикультурализма. Разумеется, новая повестка дня диктуется не только условиями пандемии и проявившимися ею особенностями реагирования, но и контраверсией тенденций, с одной стороны, ожесточения конфликтов (торговые войны США со странами Западной Европы и Китаем, etc.), усиления мер из практики неэкономической конкуренции, подъёма старых зон противостояния (например, ЕАСТ и ЕС), с другой – ассоциирования в крупные геостратегические акторы («от Лиссабона до Владивостока»), а также координации усилий в преодолении общемировых проблем (БРИК+, ОПЕК++, ШОС). Атаки на организации ООН: СПЧ, ЮНЕСКО, ВОЗ, ВТО и т. д. ещё раз показывают неготовность США к координации действий для общего блага. Использование же заседаний Генеральной Ассамблеи для давления на дипломатический корпус государств (например, путём блокирования доступа делегациям представителей нежелательных для них стран) давно сделал предпочтительным перенос места её проведения. Неадекватность одряхлевших общественных систем Запада рискам и возможностям эпохи, его слабая договороспособность и высокая конфликтогенность при наличии развитых силовых структур вынуждают к усилению международного контроля как к гарантии не

только от тоталитаризма и полицейского произвола, но и от возможности расплзания оружия массового поражения, его попадания в руки террористов. Вместе с тем забюрократизованность и слабая действенность надгосударственных образований зачастую оставляют страны один на один с возникшими проблемами. Причём лидеры в создании собственных моделей общежития и определении мирового порядка уже проявляют свою ответственность за судьбы всей ойкумены (так, широкую известность приобрели новые факты в российской/советской истории помощи даже с подключением армии и флота к помощи, например гражданскому населению ряда стран). Одновременно крепнет тенденция на отход от всевластия транснациональных корпораций и надгосударственных организаций. В этой ситуации естественна заинтересованность Украины не только в укреплении своих собственных добрососедских отношений, но и таких же связей между ними, что, самое малое, выступает очевидным условием, например, транзитной востребованности. При этом эффективное осуществление изменений: социальных, экономических, политических должно учитывать меру трансформаций и самой среды общественных контактов, и других субъектов международной жизни.

Повышение продуктивности последующих шагов по практико-теоретическому освоению поставленной темы, на наш взгляд, ориентирует на приоритетное изучение инструментария поддержания баланса между кооперацией и состязанием в формирующихся условиях.

Список использованных источников:

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Санкт-Петербург : Университетская кн., 2001. 416 с.
2. Матвейчев О.А. Повелительное склонение истории. Москва : Эксмо, 2010. 464 с.
3. Шедяков В. Система світогосподарських зв'язків переживає стан, близький до інституціональної невизначеності. *Економіст*. 2015. № 9. С. 1–3.
4. Энгель У. Боги денег. Уолл-стрит и смерть американского века. Санкт-Петербург : Питер, 2011. 326 с.
5. Шедяков В.Е. Постглобализм как социально-экономическое явление. *Рухес*. 2016. № 4(3). С. 104–114.
6. Аттали Ж. Краткая история будущего. Санкт-Петербург : Питер, 2014. 288 с.
7. Шедяков В.Є. Трансформації міжнародних економічних відносин як фактор удосконалення інтеграційних процесів. *Економіст*. 2014. № 11. С. 14–19.
8. Геєць В.М. Конфігурація геополітичної карти світу та її проблемність. *Економіка України*. 2011. № 1. С. 4–15.
9. Шедяков В.Е. Возможности и риски эпохи: научно-исследовательская рефлексия – рефлексивное управление – рефлексивная модернизация. *Management of modern socio-economic systems* / ed. by J. Žukovskis, K. Shaposhnykov; Aleksandras Stulginskis University. Kaunas : Baltija Publishing, 2017. Vol. 1. P. 201–218.
10. Шедяков В.Е. Усиление социальной ответственности государственных топ-менеджеров – условие успеха межпарадигмального перехода. *Науковий вісник Ужгородського національного університету. Міжнародні економічні відносини та світове господарство*. 2019. Вип. 23. Ч. 2. С. 137–141.

11. Buchanan P.J. *The Death of the West*. USA : St. Martin's Press, 2001. 320 p.
12. Шедяков В.Е. Понимание трансформаций международных экономических отношений как фактор эффективного использования стратегических процессов. *Науковий вісник Ужгородського національного університету. Міжнародні економічні відносини та світове господарство*. 2019. Вип. 27. Ч. 2. С. 107–112. DOI: <https://doi.org/10.32782/2413-9971/2019-27-41>
13. Моргентау Г. Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир. Москва : Прогресс, 1999. 265 с.
14. Ачлей А. Битва глобальных проектов. Москва : Волант, 2011. Ч. 1. 240 с. Ч. 2. 240 с. Ч. 3. 320 с.
15. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов. Москва : Книжный мир, 2015. 416 с.
16. Савин Л.В. Новые способы ведения войны: как Америка строит империю. Санкт-Петербург : Питер, 2016. 352 с.
17. Шлапак А.В. Методологічні основи концептуальних конструкцій глобального конкурентного лідерства. *Тенденції розвитку економіки у 2018 році: аналітичний та теоретико-методологічний аспекти* : тез. Міжнар. наук.-практ. конф. Одеса, 2018. С. 51–53.
18. Шедяков В.Е. Вектор постсоветских трансформаций как фактор глобальных преобразований. *Economy and Society: the Modern Foundation for Human Development: Proceed. of III Intern. Conf. Leipzig*, 2019. P. 40–41.
19. Шедяков В.Е. Геостратегические трансформации как политико-экономическая среда организационных изменений. *Проблеми системного підходу в економіці*. 2019. № 1(69). Ч. 1. С. 16–24.
20. Шедяков В.Е. Планирование в нестабильной экономике: возможности и границы. *Prognostication and planning of economic development: microeconomic and macroeconomic levels* / ed. by J. Žukovskis, K. Shaposhnykov; Aleksandras Stulginskis University. Kaunas : Baltija Publishing, 2019. Vol. 1. P. 240–256.
21. Шедяков В.Е. Межпарадигмальный переход в структуре и организации международной жизни. *Research, challenges and development prospects in the area of social sciences* / ed. board: J. Kloc, U. Kempieńska, Z. Brenda; Cuiavian University in Wloclawek. Riga : Baltija Publishing, 2020. С. 301–325. DOI: <https://doi.org/10.36059/978-9934-588-42-6/301-325>
22. Шедяков В.Е. Стратегия постсовременного взаимодействия: методология и ресурсная база дальнейшего совершенствования. *Нова парадигма*. 2014. Вип. 119. С. 34–52.
23. Шедяков В.Е. Культурно-цивилизационные миры и проведение новой модернизации: демифологизация проблемы. *ВУЗ. XXI век*. 2012. № 1. С. 46–66.
24. Шедяков В.Е. Конкуренция культурно-цивилизационных миров в период кардинальных трансформаций. *Розвиток сучасного суспільства в умовах глобальної нестабільності* : матер. Міжнар. наук.-практ. конф. Одеса, 2016. С. 78–82.
25. Шедяков В.Е. Обеспечение качества жизни и социально-экономического развития как задача участия в интеграционных проектах. *Євроінтеграція економіки України: виклики та рішення* : матер. Міжнар. наук.-практ. конф. Дніпро, 2015. С. 31–34.
26. Кочеткова А.И. Основы управления в условиях хаоса (неопределённости). Москва : Рид Групп, 2012. 624 с.
27. Шедяков В.Е. Трансформації міжнародних економічних відносин як фактор удосконалення інтеграційних процесів. *Економіст*. 2014. № 11. С. 14–19.
28. Шедяков В.Е. Осуществление парадигмальных трансформаций: сорезонирование стратегии, тактики и оперативного искусства в управленческих композициях. *Development and modernization of social sciences: experience of Poland*

and prospects of Ukraine / Maria Curie-Sklodowska University. Lublin : Baltija Publishing, 2017. P. 282–307.

29. Шедяков В.Є. Стратегічна культура проведення трансформацій: можливості та загрози. *Розвиток економіки України під впливом економічних, соціальних, технологічних та екологічних трендів* / ред. М.С. Пашкевич, Ж.К. Нестеренко. Дніпро : НГУ, 2015. С. 30–41.